УДК 39(4/9)

«ОБНЕСЕНЫ КРАСИВО ПЛЕТЁНОЮ ИЗГОРОДЬЮ»

В. В. Медведев

Институт истории и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 38
vlad.etno@mail.ru

В представлениях чувашей изгородь символизировала рубеж освоенного культурного пространства и внешнего мира. Оградой обносили поселения, усадьбы, культовые объекты. Использование с этой целью всех подручных материалов отразилось в названиях разных типов изгородей. Выбор материала зависел от географии территории и достатка. Собственную нишу в традиционной культуре занимали околица и полевые ворота, что отражено в обрядах свадебного и похоронно-поминального циклов, «девичьей пахоте», рекрутских проводах.

Ключевые слова: традиционная культура, пространство, изгородь, околица, полевые ворота, чуваши.

По мере организации жизненного пространства и освоения новой территории (усадьба, загоны для домашнего скота, поселение, культовые объекты) человек старался оградить свою собственность, защитить её от посторонних и вредоносных сил. Ставили изгороди, окружая место жительства и свое имущество, и чуваши.

Изгородь, ограда, забор, прясло служили для охраны определенного локуса. Чуваши возводили их самостоятельно либо всем миром. Например, у Мало-Оринского общества (сельской общины. – *В.М.*) полевая изгородь вокруг деревни распределялась на всех её членов. В д. Синьялы домохозяину отводили по три сажени ограды. И, например, убытки, понесенные в результате повреждения скотом прясла, компенсировал владелец участка[1].

В чувашском языке для названия ограждения используется слово *карта* «изгородь», «ограда». Одновременно это слово обозначает «скотный двор», «хлев», «круг», «огород». Происхождение *карта* связано с глаголом *кар* «загораживать», «отгораживать», изменённым при помощи аффикса *та* [*Егоров*, 1964, с. 91]. Существуют аналоги и у финно-угорских народов [*Wichmann*, 1903, s. 69–70].

Кар означает «огороди, сделай ограду». Это слово распространено и в языках индоевропейцев и народов Кавказа. Так, в разных вариантах встречается лат. *hortus* «огороженное место», греч. *hortos* «ограда», гот. *gards* «огород, город», груз. *карта* «огороженное место для скота», осет. *кірт* «двор» и т.д. Слово обозначает ограду и постройку [*Салмин*, 2011, с. 21].

Чуваши *карта* называли и хлев, не имеющий сруба и крыши и обнесенный лишь частоколом [*Ашмарин*, 1994, т. 6, с. 111]. Из чувашского языка *карда* (*калдас*, *калдус*, *гарда*) «задний двор», «загон для скота» проникает в обиход русских крестьян Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний [*Фасмер*, 1986, с. 196–197].

Для ограждения поселения и усадьбы использовали разные типы изгородей из разнообразного строительного материала, что объясняется степенью достатка семьи и естественно-географической средой. Околицу деревни, гумно и огород обносили изгородью *вĕрлĕк карта* «прясломиз жердей». Ставили заборы *çатан карта* «горизонтальный плетень» и *шăтăрнак* или *тăратма çатан* «вертикальный плетень». Зажиточные чуваши вокруг усадьбы сооружали *хӳме* «бревенчатый забор» и *тĕкме* «изгородь из дубового частокола» [*Матвеев*, 1994, с. 44].

В наши дни в чувашских селах Республики Башкортостан по-прежнему распространены различные названия типов дворовой изгороди. Например, в с. Бердяш Зилаирского района ограду и помещения для содержания скота называют *карта*. Жители д. Юламаново Аургазинского района уточняют – *вĕрлĕк карта*, а в с. Бишкаин заборы именуют *хӳме*. Чуваши из с. Месели вертикальную ограду зовут *шăтăрнак*, плетневую – *çатан*, а сбитую из двух-трех жердей – *вĕрлĕк*. Добавим, что изгороди из жердей крепили к столбам не только прибивая, но и перевязывая гибкими прутьями вокруг них в форме «восьмерки». Так, на х. Надеждинский Зилаирского района подобные ограды встречались до начала 60-х гг. XX в., позднее жерди начали прибивать железными гвоздями.

© *В. В. Медведев, 2015*

Что касается забора из плетня, то, по воспоминаниям информантов, для него, как правило, использовали пригодные ивовые прутья[2].

Основой каждого типа изгороди, за исключением *тĕкме*, состоящего из плотного частокола, были вертикально вкопанные столбы. К ним крепили промежуточные звенья, например, вязали либо прибивали жерди, крепили жерди, через которые продевали вертикальные прутья, через них пропускали горизонтальный плетень. В пазы столбов укладывали бревна при строительстве забора *хӳме*.

Изгородь зависела от местности, где расположено поселение. В лесных районах использовали большее количество леса, поэтому ограды были капитальными. В степи были распространены легкий плетень и прясло. Плетневым забором огораживали дворы небогатые чуваши[3]. Если велась добыча камня, то из него выкладывали *чул сапур* «каменный забор». Г.Б. Матвеев верно подметил, что варианты названий изгородей носят локальный и объяснительный характер, поскольку указывают на материал, область распространения и заимствования [*Матвеев*, 2005, с. 88].

В Республике Башкортостан каменные ограды получили распространение у чувашей Аургазинского, Белебеевского и Бижбулякского районов [*Иванов*, 1973, с. 66]. Каменным забором и плетнем к 1929 г. загородил двор крестьянин с. Базлык Бижбулякской волости Белебеевского кантона БАССР (Бижбулякский район РБ) Анисим Романов. Жители д. Базлык-Васильевка также «местами камнем, местами плетнями», окружали усадьбы[4]. В наши дни ограда из камня встречается редко.

В усадьбах чувашских селений были разные типы изгородей. В с. Ближнее Сормово Канашского района Чувашии популярны заборы из жердей *вĕрлĕк карта* и плетня *ракатка карта*, как вертикального, так и горизонтального, вид которого считали наиболее эстетичным[5]. В с. Шланлы Аургазинского района чуваши обносили свои дворы «плетенью, простой оградой и решеткой», а жители д. Чубукаран устанавливали дубовый тын *тĕкме*[6].

Современные чуваши огораживают приусадебные участки и дворы глухим дощатым забором, штакетником, кирпичной кладкой, листами железа и стали (профилированный лист). В удаленных поселениях и у пожилого населения сохраняются и старые типы изгородей. Встречаются прясло из жердей, плетневые и бревенчатые заборы с горизонтально заложенными в пазы столбов плахами и целыми стволами. *Вĕрлĕк карта*, как правило, служит для ограждения огородов и земельных наделов, расположенных за усадьбой и предназначенных для капустника, сада, травы для сена.

Наиболее популярным видом забора является штакетник, встречающийся в сельской местности повсеместно, что подтверждает наблюдение во время экспедиционных выездов. Выделим три формы вершин изгороди: прямая, отпиленная ровно, углом, треугольная и антропоморфная. Верхняя часть последнего типа ограды напоминает голову человека. Часто встречается полихромная раскраска изгородей. Распространена покраска их разными цветами, подчеркивающая отдельные детали забора.

Чувашские поселения, как села и деревни соседних народов, были обнесены полевой изгородью, поскольку «за деревней сейчас же начинается пашня, которую надо беречь от скота»[7]. *Укăлча* «околица», «полевая ограда», состояла, как правило, из прясла из жердей *вĕрлĕк карта*. Изгородь была немыслима без полевых ворот, ведущих в деревню (*ял хапхи*, *уй хапхи*, *укăлча хапхи*). Околица защищала будущий урожай и одновременно символизировала границу между пространством поселения и внешним миром. Сюжет о такой изгороди есть в поэме «Нарспи»:

Ял (деревня. – *В.М.*) Сильби богат и славен,
Как хоромы, встали избы,
Пьют прохладу старых ветел.
Новой ивовой оградой
Он затейливо охвачен.
Семь ворот – твердынь из дуба –
На семи концах деревни,
Будто псы сторожевые [*Иванов*, 1937, с. 6].

Околица поселения считалась рубежом, который преодолевали рекруты, уходящие на воен-

ную службу, и молодые девушки, выдаваемые замуж в иной населенный пункт. Прощание с родной деревней происходило именно на этой границе. Так, в песне говорится:

Вышел я из дверей, поклонился – расстался с отцом и матерью;
вышел я из сеней, поклонился – расстался со старшим братом и его женою;
завернул я за угол и поклонился – расстался я со своими друзьями;
вышел я за околицу и поклонился – расстался со всею деревнею;
вышел я в поле и поклонился – расстался с землею и с водою [*Ашмарин*, 1900, с. 49].

Таким образом, пересечение полевой ограды поселения приравнивалось прощанию с родными местами, символизировало начало нового пути в чужом, неизведанном пространстве.

Полевая изгородь и околичные ворота завершали проводы будущих солдат. Чуваши Тетюшского и Бугульминского уездов у ворот окончательно расставались с новобранцами. Крестясь и целуя воротные столбы, они прощались, в ответ провожающие желали легкой дороги и службы. В Цивильском и Ядринском уездах рекрута провожали за околицу и расставались с ним у загона, принадлежащего его семье. Прочитав молитвы и совершив необходимые обрядовые действия (обход транспорта, бросание яйца, коленопреклонение), новобранец отправлялся в путь, а родные и односельчане возвращались домой [*Никольский*, 2004, с. 361]. До сих пор на околице прощаются с призывниками чуваши Республики Башкортостан.

В д. Сесмеры Ядринского уезда Казанской губернии рекрут, выезжая из полевых ворот, обязательно крестился. Окончательное прощание происходило у загона: «Затем упал ниц и поцеловал родную землю. Его (новобранца. – *В.М.*) подняли и усадили на сани». Известно поверье, согласно которому рекрут не должен сам вставать на ноги, поскольку он может не вернуться[8].

За новобранцами, проходившими по деревне в последний раз, следовали провожающие. Мальчикам запрещали выбегать вперед, так как в таком случае они обязательно отправятся на военную службу. Простившись у полевых ворот, рекрут подкидывал монету, «орел – значит к добру, а если решка, то худо». Затем монету выбрасывали. Такие деньги называли *хаяр укçи*[9]. Жертвовали их и при болезни [*Ашмарин*, 2000, с. 10].

Околица и ворота занимали особое место в свадебных торжествах. А.А. Фукс, побывав у чувашей в гостях, застала стариков, совещавшихся по поводу намечавшейся свадьбы: «Как можно делать свадьбу, не выехавши из полевых ворот… было решено так, чтобы свадьба со всем поездом выехала непременно из деревни, объехала ее кругом и возвратилась бы с другого конца, въехав в другие вороты. – Въехать свадьбе в одни и те же вороты у Чуваш считается также дурным знаком» [*Фукс*, 1840, с. 27].

Только до околицы и полевых ворот ехал свадебный поезд невесты; попрощавшись здесь, родные возвращались домой [*Сироткин*, 1965, с. 31]. Покидая родину, чувашская невеста бросала монету в знак того, чтобы жених был богат и новая семья жила благополучно [*Осипов*, 2007, с. 72]. У марийцев с этой целью молодая три раза раскидывала через левое плечо соль или щепотку измельченного банного кирпича [Марийцы…, 2005, с. 169].

У полевой изгороди свадебная процессия останавливалась. Жених трижды ударял невесту плетью, и «она при всяком разе охала (это для того, чтобы она забыла девичью волю и привыкала к чужой стороне)» [*Фукс*, 1840, с. 65]. Плеть в деревне могла храниться у одного человека, вручавшего её женихам к свадьбам[10]. Удары молодого должны были отогнать злых духов от невесты. После этого обращались лицом к востоку и произносили молитвы. В последний раз угощали друг друга, а затем свадебный поезд разделялся [*Никольский*, 2004, с. 371].

В марийских деревнях, встречавшихся молодым по дороге, у полевых ворот к поезду собирались жители. Въехав в ворота, свадьба останавливалась, подавали пиво и угощения. Начинались песни, танцы, молодожены посещали дома жителей. После этого они отправлялись далее [*Фукс*, 1840, с. 231].

Участвовал рубеж поселения и в цикле похоронно-поминальных обрядов. Например, в доме только что умершего человека обезглавливали курицу и катали к порогу яйцо, а затем их выбрасывали за околицу, «дабы умерший укатил и улетел без возврата» [*Вишневский*, 1846, с. 21]. Такая жертва, по мнению чувашей, способствовала мирному переходу души в иной мир [*Рuттих*, 1870, с. 119]. Вещи покойного, лубок и солому, использовавшиеся при его обмывании, отвозили за поле-

вую ограду [*Никольский*, 2004, с. 92].

В завершении совместного поминания усопшего, продолжавшегося в зажиточных семьях несколько дней, неделю, отправлялись за околицу. С собой несли часть приготовленных кушаний. За изгородью прощались с покойным, пели и танцевали, тем самым провожая обратно в загробный мир [*Вышеславцев*, 1884, с. 279].

Полевая изгородь и ворота использовались в обряде *хĕр аки* «девичья пахота» либо *тимĕр карта* «железная ограда». Смысл их заключался в опахивании поселения и создании некоей символической ограды. Обрядом руководил старожил, главными участниками были молодые девушки (сорок или сорок одна). Они проводили борозду вокруг деревни, местами закладывая в землю куски железа и предметы из него, что повлияло на название этого действия [*Салмин*, 2007, с. 111–115]. По сообщению В.К. Магнитского, перед началом процессии староста расставлял у полевых ворот сторожей, ограничивавших движение за пределами поселения. Подтверждением существования такого обряда «у Чуваш служат борозды вокруг каждой деревни» [*Магнитский*, 1881, с. 136].

И.И. Лепехин, рассказывая о чувашских, мордовских и татарских селах, отметил наличие особой ограды, «которая околицею называется и состоит из жердей». Упомянуто и ее предназначение, а именно защищать засеянные поля от домашнего скота[11]. За такой изгородью домашний скот бродил без пастуха [*Ашмарин*, 1994, т. 3, с. 244–245].

Околицу и ворота как непременный атрибут прошлого в своих воспоминаниях отмечали наши информанты. В с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района попасть можно было только через ворота. Покидая поселение, их закрывали. Подобной оградой обнесли и с. Месели. «Концы улиц *укăлча* были с воротами из жердей *укăлча хапхи*, на ночь их закрывали», – вспоминает краевед И.В. Ефимов (1947 г.р.). Следили за этим сторожа, охранявшие покой села по ночам. На рубеже 20-х и 30-х гг. XX в. ночной обход поселения с трещоткой прекратился[12].

Изгородью окружали деревни марийцы, удмурты, татары. У пермских татар, например, для ограды использовали прясло и плетневый забор. Как и чуваши, они возводили общую изгородь совместными усилиями [*Мухаметшин*, *Халиков*, 1983, с. 43].

У народов околица имела предназначение. Удмуртская молодежь играла здесь летними ночами, а мордва в период святок у околицы собиралась в хороводы [*Загребин*, 1999, с. 136; *Мельников-Печерский*, 2012, с. 79].

Помимо усадьбы, поселения ограждались культовые места. Сейчас повсеместно забором обносят кладбища. В прошлом ограду могли поставить вокруг места нахождения *Киремет*, где проходили общественные жертвоприношения[13].

Особое устройство имели полевые ворота – *ял хапхи*, *уй хапхи*, *укăлча хапхи*. Необходимо отметить, что одновременно бытовало большое количество локальных вариантов названий их. Многие отражены в работах Н.И. Ашмарина [*Ашмарин*, 1994, т. 3, с. 170, 198; т. 4, с. 77; *Ашмарин*, 1999, т. 9–10, с. 5].

«Все деревни, которые я видел, обнесены красиво плетеною изгородью. При въезде в деревню и выезде из нее стоят ворота. Они вращаются около среднего столба и отворяются на обе стороны. При каждых воротах есть небольшой шалаш», – писал барон А. Гакстгаузен, побывав в чувашском поселении [*Гакстгаузен*, 1869, с. 347–348]. У полевых ворот ставили небольшой сруб, в котором летом жил сторож, оберегавший посевы от животных. Чуваши верили в то, что у ворот обитает божество *Пирĕшти*, защищавшее поселение от несчастий [*Никольский*, 1928, с. 34, 51].

Чуваши называют ворота *хапха*, так же русские Казанской губернии обозначали околичные ворота, поставленные на границе поселения [*Фасмер*, 1987, с. 222].

Что представляли собой полевые ворота, ведущие в деревню или село? Как уже говорилось, изгородь, как правило, ставили в виде прясла *вĕрлĕк карта*, но использовали все подручные материалы. Наиболее простым типом ворот были *вĕрлĕк хапхи* или *çил хапхи*, составлявшие звено прясла [*Медведев*, 2012, с. 72]. Жерди и тес крепили горизонтально по отношению к вертикально установленному столбу. Второй столб ворот свободно двигался в пространстве. Ворота удерживал врытый столб.

Несколько иным типом были полевые ворота, имеющие П-образную конструкцию. На массивные столбы укладывали горизонтальное бревно, придающее П-образный вид. К основе ворот крепили два вертикальных бруса с прибитыми жердями. Это звено, свободно вращаясь в стороны, и служило воротами. Именно такими изобразил околичные ворота Н.В. Никольский [*Никольский*,

1928, с. 34].

Таким образом, полевая изгородь, ворота и ограда усадьбы были связаны между собой. Чуваши использовали для них одинаковые строительные материалы. Для ограды усадьбы и забора, окружавшего деревню, было характерно прясло. Изгородь вокруг пространства, освоенного жителями поселения или семьей, должна была предохранять от несчастий. Как граница усадьбы, так и граница поселения служила рубежом между внешним миром и родиной. Функция отделения «своего» культурного пространства от «чуждого» внешнего сохраняется в свадебной и похоронно-поминальной традиции, в обряде *хĕр аки* либо *тимĕр карта* и проводах рекрутов на военную службу.

Примечания

[1] НА ЧГИГН (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 222.
[2] ПМА (Полевой материал автора), разные годы (РБ, чувашские поселения Аургазинского и Зилаирского районов).
[3] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 52–53.
[4] НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. Л. 52, 131.
[5] НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 706. Л. 4.
[6] НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. Л. 6, 75.
[7] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 35. Л. 73.
[8] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 168–169.
[9] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 45, 134.
[10] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 354.
[11] РАН (архив Российской академии наук, СПб.). Ф. 3. Оп. 30.4. Л. 60 об.
[12] ПМА. 2013 (РБ, Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы, с. Месели).
[13] ИИМК РАН (архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, СПб.). Ф. 2. Оп. 2.1453. Л. 18.

Библиографический список

Ашмарин Н.И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900.
Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары, 1994. Т. 3, 4, 6;1999. Т. 9–10; 2000. Т. 15–16.
Вишневский В.П. О религиозных поверьях чуваш. Казань, 1846.
Вышеславцев А. Похоронные и поминальные обычаи некрещеных чуваш Симбирской губернии во второй половине XVIII в. // Изв. Рус. геогр. общества. СПб., 1884. Т. 20.
Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869. Т. 1. С. 22.
Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Загребин А.Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999.
Иванов К.В. Нарспи. М., 1937.
Иванов Л.А. Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973.
Магнитский В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881.
Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005.
Матвеев Г.Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары, 1994.
Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005.
Медведев В.В. Поселения и жилища чувашей Башкортостана второй половины XIX – начала XX в. Магнитогорск, 2012.
Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы. М., 2012.
Мухаметшин Ю.Г., *Халиков Н.А.* Поселения, усадьбы, строительная техника жилища (конец XIX – начало XX вв.) // Пермские татары. Казань, 1983.
Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1.

Никольский Н.В. Собрание сочинений: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. I.
Осипов А.А. Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары, 2007.
Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. Ч. 2. Казань, 1870.
Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб., 2007.
Салмин А.К. Чувашско-осетинские параллели // Изв. СОИГСИ. 2011. № 5 (44). URL: http://izvestia-soigsi.ru/archive/2011/107-article2 (дата обращения: 20.05.1914).
Сироткин М.Я. Чувашский фольклор: Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965.
Фасмер М. Этимологический словарь русского язык: в 4 т.. М., 1986. Т. 2; 1987. Т. 4.
Фукс А.А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.
Wichmann Yrjö. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsigfors, 1903.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.08.2012

«…BEAUTIFULLY ENCLOSED BY A WILLOW FENCE»

V. V. Medvedev
Institute of History and Philology, Magnitogorsk State Technical University, Lenin ave., 3 455000, Magnitogorsk, Russia
vlad.etno@mail.ru

The Chuvash people constructed fences enclosing their living places and property. There were several types of fences that enclosed settlements and plots of land, built up of various construction materials which depended on prosperity of farms, as well as on geographic environment. For example, there used to be «pryalso» (stack stands), wattle fences and palings, or palisades. Stones were also used in constructing fences. Nowadays Chuvash people enclose their private plots and yards by board fence, lath fence, brick walls or profiled sheeting, whereas old types of fences are still common in remote settlements and among older people. The names of different types of fences reflected the materials, local variations and cultural borrowings. Field fences and gates are worthy of special attention. While performing its practical purpose (namely, crop protection from the cattle), they also fulfilled a sacred function. People used stack stands or «pryaslo» for village fences as well as for yards. Field gates were also constructed out of stack stands. Those gates were mandatory not only in Chuvash rural settlements, but also in the settlements of neighbouring ethnic groups. A fence enclosed the space occupied either by a settlement's inhabitants, or by a separate family, protecting people from misfortune. The Chuvash believed that field gates were protected by the God *Pirĕshti*. Both the boundaries of a farm stand and the boundaries of a settlement served as the borderline between the outer world and the habitable area. The function of distinguishing one's own space and alien one was expressed in wedding and funeral ceremonies, as well as in *hĕr aki* or *timer karta* ceremonies. It was also used in sending recruits into the army. Crossing the field fence and leaving through the gates was similar to saying goodbye to native places, or to the beginning of a new life in a strange and unknown space. The farewell with the village and native places occurred exactly on that border line.

Key words: traditional culture, space, fence, village fence, field gate, the Chuvash people.

References

Ashmarin N.I. Sbornik chuvashskikh pesen, zapisannykh v guberniyakh Kazanskoy, Simbirskoy i Ufimskoy. Kazan', 1900.
Ashmarin N.I. Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 t. Cheboksary, 1994.
Ashmarin N.I. Slovar' chuvashskogo yazyka. Cheboksary, 2000. T. 15–16.
Vishnevskiy V.P. O religioznykh pover'yakh chuvash. Kazan', 1846.
Vysheslavtsev A. Pokhoronnye i pominal'nye obychai nekreshchenykh chuvash Simbirskoy Gubernii vo vtoroy polovine XVIII v. // Izv. Rus. geogr. obshchestva. SPb., 1884. T. 20.
Gakstgauzen A. Issledovaniya vnutrennikh otnosheniy narodnoy zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdeniy Rossii. M., 1869. T. 1. 22.
Egorov V.G. Etimologicheskiy slovar' chuvashskogo yazyka. Cheboksary, 1964.
Zagrebin A.E. Finny ob udmurtakh: Finskie issledovateli etnografii udmurtov XIX – pervoy poloviny XX v. Izhevsk, 1999.
Ivanov K.V. Narspi. M., 1937.
Ivanov L.A. Sovremennyy byt i kul'tura sel'skogo chuvashskogo naseleniya. Cheboksary, 1973.

Magnitskiy V.K. Materialy k ob'yasneniyu staroy chuvashskoy very: Sobrany v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoy gubernii. Kazan', 1881.
Mariytsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Yoshkar-Ola, 2005.
Matveev G.B. Material'naya kul'tura chuvashey. Cheboksary, 1994.
Matveev G.B. Chuvashskoe narodnoe zodchestvo: ot drevnosti do sovremennosti. Cheboksary, 2005.
Medvedev V.V. Poseleniya i zhilishcha chuvashey Bashkortostana vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. Magnitogorsk, 2012.
Mel'nikov-Pecherskiy P.I. Ocherki mordvy. M., 2012.
Mukhametshin Yu.G., Khalikov N.A. Poseleniya, usad'by, stroitel'naya tekhnika zhilishcha (konets XIX – nachalo XX vv.) // Permskie tatary. Kazan', 1983.
Nikol'skiy N.V. Kratkiy kurs etnografii chuvash. Cheboksary, 1928. Vyp. 1.
Nikol'skiy N.V. Sobranie sochineniy. Trudy po etnografii i fol'kloru chuvashskogo naroda. Cheboksary, 2004. T. I.
Osipov A.A. Chuvashskaya svad'ba: Obryad i muzyka svad'by vir'yal. Cheboksary, 2007.
Rittikh A.F. Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. XIV. Chast' II. Kazan', 1870.
Salmin A.K. Sistema religii chuvashey. SPb., 2007.
Salmin A.K. Chuvashsko-osetinskie paralleli // Izvestiya SOIGSI. 2011. № 5 (44). URL: http://izvestia-soigsi.ru/archive/2011/107-article2 (data obrashcheniya 20.05.1914).
Sirotkin M.Ya. Chuvashskiy fol'klor: Ocherk ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva. Cheboksary, 1965.
Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyk: v 4 t. M., 1986. T. 2 (E–Muzh); 1987. T. 4. (T–yashchur).
Fuks A.A. Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoy gubernii. Kazan', 1840.
Wichmann Yrjö. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsigfors, 1903.